

Мария Бекетова

Андерсен. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Мария Бекетова

**Андерсен. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Бекетова М. А.

Андерсен. Его жизнь и литературная деятельность
/ М. А. Бекетова — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только bibliофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мария Бекетова Андерсен. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк М. А. Бекетовой.

С портретом Андерсена, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I

Введение. – Детство Андерсена. – Его отец и мать. – Первые впечатления. – Мечтательность и фантазерство. – Игры и занятия. – Начало учения. – Смерть отца Андерсена. – Новые знакомства. – Первые попытки писать. – Конфирмационная школа. – увлечение театром. – Отъезд из родного города.

Немногие писатели пользуются такой популярностью, как Андерсен. Он написал очень много, но русской публике хорошо известно только собрание его сказок, составляющее лучшую, но меньшую часть его произведений. Сказки эти, переведенные на все языки и выдержавшие множество изданий, и доставили главным образом славу своему автору. Несравненная поэзия в соединении с тонким юмором, с чистотою и искренностью чувства является особенностью этих оригинальных произведений. Умение одушевлять все существующее и представлять в живых образах решительно все окружающие нас предметы делает сказки Андерсена особенно близкими сердцу, так сказать интимными. В них нет ничего грандиозного, ничего величавого, но тем не менее всякая подробность их бесконечно интересна. Способность Андерсена наделять человеческими чертами неодушевленные предметы вроде какого-нибудь уличного фонаря и вызывать сочувствие к ним читателя и составляет особенность его таланта. Если прибавить к этому широкую гуманность, необыкновенно простой и сжатый язык и самое светлое мирозерцание, то всемирная известность Андерсена будет вполне понятна.

Родился Андерсен в самом начале нынешнего столетия, в 1805 году, и умер недавно – в 1875, но по складу своего ума, по характеру принадлежит доброму старому времени. Родина его – датский город Оденсе на острове Фюн. Андерсен был единственным сыном своих родителей. Мать его, простая женщина без всякого образования, отличалась нежным и любящим сердцем, отец же являлся в своем роде очень замечательным человеком. Занимаясь сапожным мастерством, он всю жизнь не мог помириться с тем, что плохие семейные обстоятельства помешали ему получить то образование, о котором он мечтал. Супруги очень любили друг друга и жили в полном согласии. Тем не менее отец Андерсена не чувствовал себя счастливым. У него была совершенно исключительная натура, глубоко поэтическая и вместе с тем склонная к анализу. Жена не понимала его, окружающая среда была бесконечно ниже его по развитию. Он чуждался людей, мало-помалу уходил в себя и год от году становился все урюмее и сосредоточеннее. Любимым его занятием было чтение вслух. Кроме того, он охотно делал игрушки, рисовал и вырезал картинки для сына. Летом он часто брал его с собой за город в лес и проводил там многие часы, погруженный в размышления. Мальчик занимался один: он рвал цветы и ягоды, плел венки и так далее. Эти одинокие прогулки повторялись все чаще и чаще. Мать Андерсена участвовала в них только раз в год, перед весенним праздником. Она ходила в лес лишь для того, чтобы нарвать свежих веток и убрать ими комнату. Муж, по-видимому, старался развить жену чтением вслух, но из этого ничего не вышло. Она не скучала за книгами, но и только. Это была женщина неинтеллигентная, хотя не без некоторого поэтического чутья.

Молодой отец все больше и больше сближался с сыном и проводил с ним все свободное время. Первые книги, которые он читал Гансу, были басни Лафонтена, комедии датского писателя Хольберга и сказки из «Тысячи и одной ночи». И мать, и отец нежно любили сына и позволяли делать все, что ему хотелось, но от этого не происходило никаких неудобств. Унаследовав от отца мечтательный и вдумчивый нрав, мальчик был еще вдобавок мягок и тих, как девочка. Он не любил никаких шумных игр и даже не водился с детьми. Играл он постоянно один, причем фантазия его работала неутомимо. Наклонность к мечтательности развилась в нем еще сильнее под влиянием обстановки. Оденсе – старинный город,

и во времена детства Андерсена в нем сохранялись многие средневековые обычаи, праздники, оригинальные процессии и так далее. Все это действовало на воображение ребенка, но еще больше почерпал он из сношений со своей бабушкой – матерью его отца. Это была кроткая и печальная женщина. Муж ее, когда-то зажиточный фермер, испытал целый ряд неудач и сошел с ума после пожара, истребившего почти все его имущество. Бабушка Андерсена переселилась в Оденсе вместе с мужем и сыном. Там купила она на оставшиеся деньги маленький домик при больнице для умалишенных, где и жила вместе с больным мужем. Помешательство его было тихое, так что он никому не делал вреда и не требовал постоянного ухода жены. Бабушка нежно любила внука и заходила к его родителям каждый день хоть на несколько минут, чтобы его повидать. По субботам бабушка всегда приносила своему любимцу цветов из госпитального сада, чем доставляла ребенку большую радость.

Мальчик и сам часто бывал у бабушки. Бродя по двору госпиталя, он часто видел там тихих помешанных. Со страхом смотрел он на них и с любопытством слушал их странные речи и песни. Раз, оставшись совсем один в госпитальном коридоре, по обеим сторонам которого шли больничные камеры, мальчик лежал на полу и увидел в дверную скважину голую женщину с распущенными волосами, сидящую на пучке соломы. Несчастная пела пронзительным голосом, потом вдруг с криком бросилась к двери и ударила в нее с такой силой, что раскрылось оконце, через которое подавали ей пищу. Выглянув в это отверстие, она увидела мальчика и протянула к нему руку. Тот закричал от страха, ничком упал на пол и пролежал так до тех пор, пока не подоспели сторожа. Это страшное впечатление навсегда осталось в его памяти. Маленький Андерсен часто ходил в комнату, где пряли госпитальные старушки. Они очень его любили и говорили, что мальчик так умен, что едва ли долго проживет на свете. Это очень льстило его самолюбию, но еще больше нравились ему длинные сказки, которые рассказывали ему старушки.

Странная обстановка больницы, вид сумасшедших, ранние книги, своеобразные игрушки и картинки, которые дарил ему отец, и сказки госпитальных старух – все это образовывало в голове маленького Андерсена какой-то смутный хаос с удивительно поэтической и таинственной окраской. Мальчик жил в мире фантазии, и это сделало его очень нервным и впечатлительным. Он стал так боязлив, что с наступлением темноты не соглашался выйти из дому. Как только закатывалось солнце, Ганс ложился в большую постель своих родителей. Лежа под ее цветным пологом, он чувствовал себя вполне хорошо и безопасно. Сквозь занавески мальчик видел свет и слышал все, что говорилось в комнате, но это только успокаивало его. Сам же он был вполне уединен за своим цветным пологом в большой постели и предавался бесконечным мечтам. Ребенок лежал очень смиренно, и мать приписывала это его благонравию. «Как тихо лежит дорогой мой мальчик», – говорила она. А мальчик ее в это время уносился в роскошное царство своей фантазии и мало-помалу засыпал, убаюканный несвязными золотыми грезами.

Так прошло почти все детство Андерсена. По целым часам занимался он игрушками, которые делал ему отец. Особенно же любил шить платья своим многочисленным куклам. Для этого мальчик усаживался под кустом ежевики, который рос у стены, и расстилал над ним материн передник, прикрепляя его к стене. Этот передник защищал его от непогоды. Ребенок тихонько сидел под ним со своими куклами. Сладкие и фантастические грезы до того одолевали его, что у него явилась привычка закрывать глаза, и близкие начали даже думать, что у Ганса слабое зрение, между тем как на самом деле мальчик видел прекрасно.

Вообще Андерсен был странный ребенок, не похожий на обыкновенных детей, что не мешало ему быть очень счастливым. Мать и отец баловали его на все лады. При всей их бедности мальчик ни в чем не терпел недостатка. Его старались особенно хорошо одевать, для него нарочно звали старую швею, которая шила ему наряды из разного старья. Странно, что читать выучили Андерсена не дома. Его отдали для этого в школу. Там старая учительница

сидела на стуле, окруженная детьми, с длинной розгой в руках. Дети произносили буквы и читали хором, а старуха водворяла между ними порядок посредством своей розги. Маленького Андерсена мать отдала в школу с тем, чтобы его не били. В первый же раз, когда розга дошла до него, он встал со своего места, взял книгу и, придя домой, попросил, чтобы его отдали в другую школу. Мать отдала его в школу Карстенса, где училась, между прочим, одна крошечная девочка, но Андерсен оказался еще меньше ее. Карстенс был добрейший человек и очень любил Андерсена. Он дарил ему цветы и пирожные, ласкал его и во время игр постоянно держал за руку, чтобы старшие ученики как-нибудь его не обидели. Впоследствии старик очень любил называть себя первым учителем знаменитого Андерсена.

У Карстенса в школе маленький Андерсен подружился с той девочкой, о которой уже была речь. Он принялся рассказывать ей фантастические истории вроде тех, которыми восхищал прежде госпитальных старух, но на этот раз эффект получился иного рода. Девочка была практическая особа и мечтала о том, как она сделается со временем фермершей в большой барской усадьбе.

– Ты будешь служить у меня в замке, – сказал ей на это ее маленький товарищ.

Он даже нарисовал ей свой замок и рассказал еще, как к нему приходят разговаривать золотые ангелы и какой он вообще счастливый мальчик.

Услышав это, девочка сказала кому-то из товарищей:

– Он сумасшедший, как его дедушка.

Такой вывод очень огорчил и удивил Андерсена: он думал поразить девочку своим умом и уж никак не ожидал прослыть сумасшедшим.

Андерсен был еще очень мал, когда родители в первый раз повели его в театр. Представление давалось на немецком языке, и вероятно поэтому мальчик не вынес никакого впечатления, увидев массу зрителей, он сказал: «Если бы у нас было столько бочек масла, сколько здесь людей, вот уж я бы поел!» Это прозаическое замечание показывает, что маленький Андерсен рос здоровым ребенком и его чрезмерное фантазерство не заключало в себе ничего болезненного, а свидетельствовало о задатках поэтического таланта. Как бы то ни было, театр скоро сделался любимым местом маленького Андерсена, хотя его водили туда только раз в год. Он подружился с разносчиком афиш, и тот каждый день давал ему театральную афишу. Сидя где-нибудь в углу с этой афишей, мальчик разыгрывал целые комедии, которые сочинял, используя названия пьес и имена действующих лиц. Это было начало творчества.

Сильно походя на отца по натуре и по складу ума, Андерсен очевидно больше любил мать и находился под ее влиянием. Мать его была очень суеверна и совсем необразованна, отец же, напротив, отличался здравыми понятиями и своим недюжинным умом понимал многое, недоступное его жене, родным и знакомым. Он много думал над тем, что читал, и высказывал иногда своеобразные и очень здравые суждения, пугавшие его жену и мать как нечто новое и непонятное.

– Нет никакого черта, кроме того, что живет в нашем сердце, – сказал как-то отец Андерсена.

Эти слова, понятые буквально, привели в ужас его маленького сына. Со страхом думал он о душе отца. Страх этот еще усилился, когда однажды отец его проснулся с двумя ранами на руке. Вероятно, он укололся во сне иголкой, воткнувшейся в постель, но соседка говорила, что это посетил его ночью черт, чтобы показать, что он есть на самом деле, и маленький Андерсен этому вполне верил.

Когда появилась комета 1811 года, мать передала сыну все страшные сказки, существовавшие на этот счет, – и ребенок находился под их впечатлением. Раз вечером мальчик стоял на площади с матерью и с соседками и со страхом смотрел на комету, ожидая светопредставления. В это время мимо проходил его отец и объяснил происхождение кометы, думая рас-

сеять суеверные страхи, но слова его ни к чему не повели: все смотрели на него, покачивая головами, и никто ему не верил. Видя это, он засмеялся и пошел своей дорогой. Маленький Андерсен почувствовал какой-то ужас при виде неверия отца. Вечером к ним пришла бабушка, и невестка рассказала ей случай с кометой. Мальчик сидел на коленях у бабушки, смотрел ей в глаза и ожидал, что вот-вот комета заденет землю хвостом и наступит конец мира. Он не понимал того, что говорили женщины, но был заранее во всем с ними согласен. Очевидно, отца его считали еретиком и безбожником, хотя он был глубоко религиозный человек, часто читал Библию и много над ней думал.

Рознь с окружающими его людьми очень тяготила отца Андерсена. Он всячески старался найти выход из своего положения, но это ему не удавалось. Любимой его мечтой было жить в деревне. Ему представился даже раз прекрасный случай, но и тут вышла неудача. Один богатый землевладелец на острове Фюн пожелал иметь своего сапожника, причем давал ему домик и землю в деревне поблизости от замка. Андерсены были в восторге, маленький Ганс молился о том, чтобы отцу его удалось получить желанное место. Тот взялся сшить хозяйке замка бальные башмаки, но работа его не понравилась, и все мечты разом рухнули. Между тем его лесные прогулки повторялись все чаще и чаще. Душа его не знала покоя и жаждала уединения. Мечтательный сапожник увлекся личностью Наполеона и решил поступить солдатом в один из союзных полков, мечтая о том, как вернется лейтенантом. Жена плакала, соседи его осуждали; но человеку этому очевидно хотелось чего-нибудь необычного, не похожего на окружавшую его жизнь. В то утро, когда должен был двинуться полк, отец Андерсена казался очень веселым и оживленным, только порывистая страстность, с которой он прощался с сыном, выдавала его волнение. Мальчик лежал тогда больной. К нему пришла бабушка, а мать со слезами провожала мужа. Это первое печальное утро, которое помнит Андерсен в своем счастливом детстве. Отец его скоро вернулся с полком, не побывавши в деле, так как в то время заключили мир. Он дошел только до Голштинии, но непривычные переходы тяжело отразились на его здоровье. Недолго пожил он со своими. В одно прекрасное утро он проснулся в горячке, бредя войной и Наполеоном. Мать послала сына к знахарке. Та проделала с мальчиком много разных таинственных вещей и под конец сказала ему: «Иди домой вдоль реки; если отец твой должен умереть, ты встретишь его призрак». Со страхом вернулся маленький Ганс и рассказал матери, что сказала ему знахарка.

– И ты никого не встретил? – спросила мать.

– Нет, – ответил он с бьющимся сердцем.

Отец его умер на третий день после этого случая.

После смерти отца мальчик был еще больше прежнего предоставлен себе самому. Мать ходила на работу в чужие дома, а Ганс по целым дням оставался один и играл в кукольный театр. В это время он свел знакомство с семьей одного умершего пастора, который считался довольно известным датским стихотворцем. Это было первое образованное семейство, в которое попал Андерсен. Здесь он впервые услышал слова «поэт» и «писатель», произносимые с большим почтением, и возмечтал сам сделаться писателем. Здесь же ему пришлось прочесть Шекспира, который остался на всю жизнь одним из его любимых авторов. Сейчас же принялся он разыгрывать шекспировские пьесы на своем кукольном театре, несколько видоизменяя подлинник. Чем больше лиц умирало в трагедии, тем больше она ему нравилась. Дети, как известно, любят катастрофы. Потом он сочинил трагедию, заимствовав ее сюжет из одной старой песни. В конце трагедии все умирали. Андерсен воображал, что написал прекрасную вещь, и многие поддерживали его в этом заблуждении. Только одна соседка посмеялась над его произведением, что его очень обидело.

– Это она оттого говорит, что ее сын не может так написать, – утешала его мать.

Мальчик успокоился и принялся за другую трагедию. То было произведение высшего полета. В нем участвовали только коронованные лица. Андерсен видел, что у Шекспира короли и принцы говорят так же, как простые смертные, но ему казалось, что это неверно. Он спрашивал об этом у матери и у соседок. Те могли ему сказать только, что король, который был когда-то в Оденсе, говорил на иностранных языках. Мальчик понял это по-своему. Он достал где-то книжку с французскими, немецкими и английскими вокабулами и составил речь своих королей так, что вышла какая-то мозаика из иностранных языков. Вот что говорила, например, одна принцесса своему отцу: «Guten Morgen, mon père, haben sie gut sleping?» И в таком роде написаны все диалоги. Андерсену было, вероятно, лет десять, когда начались эти литературные упражнения. Вообще, он не делал тогда ничего похожего на то, что делают обыкновенно мальчики его звания. Он и не начинал еще работать, а только забавлялся, забавы же эти были совсем особого рода: игра в театр и в литературу... В один прекрасный день матери пришлось в голову отдать его на фабрику, куда ходил сын одной ее знакомой. «По крайней мере, я буду знать, где сын», – говорила она. На фабрику отводила Андерсена бабушка, которая делала это очень неохотно и была, по-видимому, права. Там оказалось много немецких рабочих. Они работали с песнями и шутками очень грубого свойства. Маленький Андерсен скоро заслужил всеобщее расположение. У него был прекрасный, необыкновенно высокий голос. Он охотно пел не только разные песни, но и целые сцены из Шекспира и Хольберга с импровизированной музыкой. Это производило большой эффект. Мальчику аплодировали и делали за него работу. Первые дни ему было превесело. Но вот однажды, когда он увлекся своим пением и выводил необыкновенно высокие ноты, кто-то из рабочих сказал про него: «Да это совсем не мальчик, это, наверно, девчонка!» – и грубо схватил его. Шутка понравилась. Мальчика схватили за ноги и за руки. Он с громким криком вырвался, убежал с фабрики домой к матери и больше уж не возвращался.

Между тем мать Андерсена вторично вышла замуж. Новый муж ее, тоже сапожник, совсем не походил на первого. Это был простой и добрый малый очень веселого нрава. Он нисколько не вмешивался в воспитание пасынка и предоставлял ему полную свободу. Мальчик ходил в семью пастора-поэта и читал там книги, а дома занимался своим кукольным театром и упражнялся в шитье. Это было нужно для кукольного театра. Особенно нравилось ему сшивать вместе разноцветные куски материи. Мать его находила, что такое занятие может пригодиться в будущем. Она полагала, что сын ее создан быть портным; он же, со своей стороны, говорил, что будет комедиантом. С этим мать решительно не соглашалась. Она понимала под словом «комедиант» только плясунов на канате и странствующих актеров, причем ставила тех и других на одну доску.

Слова матери не производили на Андерсена никакого действия. Он продолжал делать все, что хотел, и между прочим пел по целым часам все, что приходило ему в голову. То было своеобразное пение, но прелестный голос и фантазия поэтического ребенка, вероятно, создавали при этом нечто прекрасное и оригинальное. Пел он очень часто и на улице. Особенно любил он забираться на большой камень в реке, протекавшей поблизости от их дома, и, стоя на камне, заливался своими странными песнями, как жаворонок, «упоенный зарею и светом», по выражению Франциска Ассизского. Но не одна страсть к пению играла роль в этом препровождении времени. Мальчик был очень самолюбив. Он отлично знал, что его слушают из соседних домов и сада, и это придавало ему еще больше азарта. Многие в городе обращали внимание на странного и интересного ребенка, и у него завязалось немало знакомств среди богатого населения Оденсе.

Особенно участливо относилось к нему семейство полковника Гульдберга. Сам полковник был знаком с наследным принцем Христианом, который жил в то время в Оденсейском дворце. Полковник стал первым покровителем Андерсена. Он настолько заинтересовался своим маленьким другом, что захотел свезти его к принцу Христиану, причем дал

Гансу следующий совет: «Если принц спросит вас, чего вы хотите, отвечайте, что самое большое ваше желание попасть в высшую школу». Андерсен не чувствовал никакого влечения к наукам, но послушно сказал принцу то, что внушил ему его покровитель. Принц ответил не особенно ободряющим образом. Он заметил, что ученье – вещь очень трудная, что петь и хорошо говорить стихи еще не значит быть гением и что лучше бы мальчик выбрал себе какое-нибудь хорошее ремесло.

Этот совет не очень-то понравился маленькому Андерсену, мечтавшему о славе и о сказочном счастье. Таким образом, из разговора с принцем пока ничего не вышло. Поэтому мать вторично отдала Андерсена в школу. На этот раз это была школа для бедных, где учили только Закону Божьему, письму и счету. Школа была плохая, и Андерсен пробыл в ней недолго. Во время пребывания там он сочинил стихи в честь дня рождения школьного учителя и рассказывал товарищам интересные истории своего сочинения. Но рассказов этих было недостаточно, чтобы установить хорошие отношения между Андерсеном и его товарищами, завидовавшими его привилегированному положению в богатых семействах. Дело дошло до того, что в один прекрасный день, когда он вышел из школы, уличные мальчишки побежали за ним толпой с криками: «Вон идет комедиант!» Чувствительный и трусливый мальчик убежал домой, забился в угол и со слезами стал молиться Богу.

Тем временем ему шел уже четырнадцатый год. Он был высоким худощавым мальчиком с кудрявыми белокурыми волосами. Мать начинала подумывать о том, что нужно бы ее Гансу делать «что-нибудь разумное», как она выражалась. Она хотела конфирмовать его, а после отдать в портные, полагая в этом его призвание.

Для подготовки к конфирмации мать отдала Андерсена к пастору, у которого обучались дети из дворянских семейств. И сам пастор, и дети смотрели свысока на сына бедного сапожника. Пастор считал его выскочкой, товарищи сторонились. Бедный мальчик оставался постоянно один. Он нимало не завидовал богатству своих товарищей и вздыхал только по книгам, которых у них было гораздо больше, чем у него. Раз Андерсен вздумал декламировать сцену из какой-то комедии в присутствии пастора и его знакомых. Пастор строго остановил его и сказал, что если он еще раз повторит то же самое, его отправят домой. Андерсен не понял, за что на него напали. Единственным существом, относившимся к нему хорошо, была одна девочка, готовившаяся к конфирмации у того же пастора. В знак особого внимания она даже раз подарила ему розу, о чем Андерсен помнил всю жизнь с благодарностью.

На этот раз Андерсен благополучно выполнил свою задачу и конфирмовался вместе с другими. После конфирмации мать хотела отдать его в ученье к портному, но сын упрямил ее этого не делать. За последние годы он накопил из денег, которые ему иногда давали, небольшую сумму в 30 риксдалеров (23 рубля). Считая себя настоящим богачом, он просил мать отпустить его в Копенгаген искать счастья, думая, что это первый город в мире.

– Что же там из тебя выйдет? – спросила его мать.

– Я сделаюсь знаменитым, – ответил мальчик и начал пересказывать ей то, что он читал в книгах про великих людей.

– Сначала они ужасно много страдают, а потом делаются знаменитыми, – заключил он.

Движимый каким-то непонятным, инстинктивным влечением мальчик со слезами и рыданиями умолял мать исполнить его желание. И мать уступила ему, предварительно посоветовавшись со знахаркой, которая сказала:

– Ваш сын делается великим человеком, в его честь будет иллюминация в Оденсе.

Мать заплакала от радости и больше не противилась желанию сына ехать в Копенгаген.

Между тем четырнадцатилетний Андерсен составил в голове нечто вроде плана. Он не сомневался, что будет счастлив и знаменит, и думал сделаться актером. Летом, перед его конфирмацией, приезжала в Оденсе труппа актеров из Копенгагена. Они играли оперы и комедии, и Андерсен в качестве друга разносчика афиш не только видел все пьесы, но часто

бывал за кулисами, перезнакомился со всеми актерами и даже исполнял раза два роли пажа и пастуха. На актеров смотрел он как на богов, а им нравился его живой и восторженный нрав. Они были с ним очень ласковы. Раньше еще его голос и способность разыгрывать наизусть целые сцены наводили его на мысль поступить на сцену, теперь же он окончательно решил, что будет актером. Андерсен слышал, между прочим, что-то такое о балете и о копенгагенской танцовщице Шаль. Из рассказов этих он заключил, что балет еще лучше оперы и комедии, а танцовщица Шаль нечто вроде царицы. Восторженный юноша хотел поехать в Копенгаген познакомиться с ней и с ее помощью попасть на сцену. Для этого он предварительно отправился за рекомендательным письмом к старому книгопродавцу Иверсену, который знал всех приезжих актеров и должен был, по мнению Андерсена, знать также танцовщицу. Остальное не беспокоило нашего театрала. Старый Иверсен, в первый раз в жизни видевший Андерсена, с участием выслушал просьбу мальчика, но отговаривал его ехать в Копенгаген, советуя заняться каким-нибудь ремеслом.

– Это было бы большим грехом! – ответил ему Андерсен таким тоном, что старик сейчас же им заинтересовался.

Он не знал лично танцовщицы, но все-таки написал рекомендательное письмо к ней, которое и дал Андерсену. Получивши желанное письмо, Андерсен был в восторге и считал, что уже нашел ключ к счастью.

Мать уложила в узелок его пожитки, взяла ему место в дилижансе и со слезами проводила до ворот, где стояла его бабушка. В момент прощанья с матерью и с бабушкой юноша испытал большое горе, но скоро развлекся новизной места и всего, что его окружало. Полный надежд и без всяких опасений за будущее пустился он в свет со своими тридцатью риксдалерами в кармане. Когда Андерсен очутился на пароходе и оставил позади родной остров, он почувствовал одиночество, но простодушная и жаркая молитва тотчас же вернула ему спокойствие.

Глава II

Жизнь в Копенгагене. – Первые шаги. – Знакомство с Сибони. – Новый круг знакомых и покровителей. – Сношения с театром. – Танцевальная и хоровая школы. – Критическое положение. – Неудачные попытки писать для сцены. – Отъезд в Слагельсе.

Четырнадцать лет от роду приехал Андерсен в Копенгаген. По незнанию жизни и безграничной вере в будущее он походил на ребенка, смело ступающего в пустое пространство в полном неведении опасности и в уверенности, что его кто-нибудь поддержит. Андерсен начал с того, что, имея в кармане меньше десяти риксдалеров (8 рублей), взял номер в гостинице, конечно самой скромной. Потом он пошел бродить по улицам. Городская суета его не смутила. Это отвечало его представлению о первом городе в мире. Главной целью его прогулок был театр. Он осмотрел со всех сторон это наиболее интересное для него здание, которое он считал в некотором роде своим будущим отечеством. На площади какой-то барышник стал предлагать ему билет. Андерсен горячо поблагодарил его, будучи уверен, что тот дарит ему билет. Человек этот подумал, что Андерсен над ним смеется, и так рассердился, что мальчик испугался и убежал.

На следующий день Андерсен нарядился в свой конфирмационный костюм, который считал верхом изящества и великолепия, надел между прочим и шляпу, доходившую ему до самых глаз, и отправился с рекомендательным письмом Иверсена к танцовщице Шаль. На лестнице перед дверью ее квартиры он встал на колени и начал горячо молиться Богу. Тут пришла служанка с провизией. Увидев Андерсена, она приняла его за нищего и с улыбкой протянула ему какую-то мелкую монету. Мальчик был очень оскорблен, возвратил деньги и потребовал, чтобы его впустили в квартиру. Танцовщица смотрела на него с большим удивлением. Она не знала того, кто рекомендовал Андерсена, а вид мальчика и манеры показались ей очень странными. Нимало не смущаясь, заговорил он о том, как счастлив, что может поступить на сцену. На вопрос ее, в какой пьесе он думает играть, он сказал: «В „Сандрильоне“, – я так люблю эту вещь». Он видел эту пьесу в Оденсе и знал наизусть всю главную роль. Желая показать свое искусство, он тут же попросил позволения снять сапоги для большей легкости, взял в руки шляпу вместо тамбурина и принялся танцевать по комнате и петь какое-то место из роли Сандрильоны. Необычайная живость и решительность его манер в соединении со смешным костюмом производили странное впечатление. Впоследствии Андерсен узнал, что танцовщица приняла его за помешанного и поэтому постаралась скорее спровадить, но тогда он ничего этого не понял. После визита к Шаль он отправился к директору театра. Это был довольно важный господин, что нимало не смутило мальчика.

Директор сказал ему, между прочим, что он слишком худощав для сцены.

– О, – возразил Андерсен, – если я буду получать хотя бы тысячу риксдалеров за ангажемент, то я, конечно, потолстею.

Это очень не понравилось директору. Он строго посмотрел на мальчика и сказал, что принимает в труппу только тех, кто хорошо воспитан.

Андерсен не понял, в чем заключалась его вина, и был очень огорчен. С горькими слезами молился он Богу и думал, что, вероятно, уже начались те страдания, которые должны привести его к славе. В утешение горячий театрал взял себе билет на представление оперы «Поль и Вирджиния». В момент расставания влюбленных он горько расплакался, чем возбудил участие двух соседок. Они стали его утешать, а одна даже дала ему порядочный кусок бутерброда с колбасой. Андерсен объяснил, что плачет о своей собственной судьбе, представляя, что театр – его Вирджиния, и зная, что расстаться с мечтой о нем ему будет так же тяжело, как расстаться Полю с его возлюбленной. Женщины не поняли его слов. Когда же он объяснил им свое положение, не нашли ничего лучшего, как дать ему еще бутерброд.

На другой день Андерсен пересчитал свои деньги, у него оставался один риксдалер (75 копеек). Тогда он решил поступить в ученье к столяру. Там с ним случилось нечто вроде того, что уже было на фабрике. Его привели в ужас грубые шутки товарищей, которые стали дразнить новичка, заметив его стыдливость. Мальчик со слезами убежал из мастерской и объявил хозяину, что не хочет у него оставаться.

Тут он вспомнил, что читал в какой-то газете об итальянском певце Сибони, который был директором Копенгагенской консерватории. Андерсен отправился к нему учиться петь, заранее уверенный в успехе. Он попал к Сибони во время большого званого обеда и на кухне рассказал служанке свою историю. Та приняла в нем большое участие, передала гостям все, что от него слышала, и привела его в столовую. За столом сидели, между прочим, композитор Вейсе и поэт Баггесен. Сибони повел Андерсена к фортепьяно, чтобы попробовать его голос. Мальчик пел и декламировал стихи. Последнее стихотворение было очень печальное. Андерсен вспомнил о своем одиночестве и кончил стихи настоящими слезами. Это произвело большой эффект. Ему стали аплодировать. Баггесен сказал, что из него выйдет толк, а Сибони обещал заняться его голосом, выразив надежду, что со временем он сможет петь на королевской сцене. Мальчик был на седьмом небе! Он плакал и смеялся от радости и ушел совсем счастливым.

Служанка Сибони посоветовала ему пойти также и к композитору Вейсе, что Андерсен и исполнил, а так как Вейсе сам начал свою карьеру таким же бедняком, как Андерсен, то тем охотнее принял в нем живое участие и прежде всего позаботился о том, чтобы обеспечить юного ученика в материальном отношении. Он собрал для него одновременно 70 риксдалеров (52 рубля) и, кроме того, обещал давать ему ежемесячно 10 риксдалеров (8 рублей). Для Андерсена это было настоящее богатство. Полный надежд, написал он домой длинное радостное письмо.

Со своей стороны Сибони не только занимался с Андерсеном пением, но также разрешил мальчику проводить целые дни в его квартире. Как сам Сибони, так и жившая у него племянница прекрасно относились к новому ученику. Его кормили и обращались с ним как с равным, но особенно хорошо чувствовал он себя на кухне, в обществе двух веселых служанок и повара-итальянца. Сибони был прекрасный учитель и хороший певец итальянской школы, но не имел в Копенгагене никакого успеха, так как в то время в Дании не признавали итальянской музыки, вошедшей несколько позже в большую моду. Несмотря на истинную доброту и деликатность, Сибони имел суровый вид, что очень пугало впечатлительного мальчика во время уроков пения, продолжавшихся около года. Голос Андерсена находился в то время в переходном состоянии и потому требовал особенно осторожного обращения. Между тем приходилось ходить на уроки в холодную и сырую погоду в дырявых сапогах и легком платье, так как мальчик не имел возможности купить новые вещи. От этого он потерял голос, и уроки пения пришлось оставить. Сибони сказал ему прямо, что из него не выйдет певца, и посоветовал вернуться на родину и заняться каким-нибудь ремеслом. Таким образом, надежды Андерсена на карьеру оперного певца рухнули, и он остался без всякой поддержки. Другой на его месте, вероятно, упал бы духом или бросил бы всякие смелые мысли. Но Андерсен обладал удивительной верой в себя и в людей. Это его и спасло. Он вспомнил, что в Копенгагене живет поэт Гульдберг, брат того самого полковника Гульдберга, который покровительствовал ему в Оденсе и водил его к принцу Христиану. Андерсен написал ему письмо, в котором рассказал про свое бедственное положение, затем отправился к нему лично. Гульдберг принял его самым лучшим образом. Увидевши из письма Андерсена, как плохо его правописание, Гульдберг обещал учить его по-датски и по-немецки. Немецкому языку мальчик уже пробовал учиться и прежде, чтобы объясняться с Сибони, который совсем не знал датского, по-немецки же говорил, хотя и плохо.

Добрые люди не дали умереть с голоду бездомному и беспомощному скитальцу. Гульдберг, Вейсе и некоторые другие, сложившись, составили известную сумму, на которую Андерсен мог жить некоторое время. Ему выдавали 16 риксдалеров (12 рублей) в месяц. За эти деньги ему удалось получить у хозяйки дома, где он жил раньше, большую пустую комнату без окон и обед. Андерсен был несказанно рад этому новому своему жилищу. Хозяйка потребовала сначала 20 риксдалеров (15 рублей), и, прежде чем она согласилась на 16 риксдалеров, он успел вынести немало горя. Его огорчала не столько возможность остаться без крова, сколько перспектива расстаться с хозяйкой, к которой юноша уже сильно привязался и на которую смотрел как на мать. Его мягкое сердце располагалось сразу решительно ко всем, с кем сводила его судьба.

Итак, он поселился у этой женщины, но платил ей все свои деньги. Она посылала его иногда с каким-нибудь поручением и за это давала ему 19 пфеннигов в месяц. На них он покупал себе бумагу и старые книги. Без платья Андерсен продолжал обходиться точно так же, как и прежде. За это время круг его знакомых очень расширился. С одной стороны, он приобретал знакомства через Сибони, а с другой, – через Гульдберга и старую свою знакомую г-жу Лунд, замужнюю даму, жившую в Копенгагене. Это была та самая девочка, которая ласково обращалась с ним во время его пребывания в конфирмационной школе. Познакомился он, между прочим, с профессором Нирупом, но этим знакомством обязан был только самому себе. Узнавши, что Нируп сын крестьянина и учился в Оденсе, Андерсен без церемонии явился к нему и объяснил, что он тоже из Оденсе. Старый ученый заинтересовался своеобразным характером мальчика. Он позволил ему брать книги из своей библиотеки; «только с тем, чтобы снова ставить их на место» – говорил он. Андерсен исполнял это правило, и таким образом под руками его очутилось целое богатство. Это было для него большой радостью, но скоро испытал он новое удовольствие. Гульдберг познакомил его с актером Линдгреном, который начал готовить его к сцене. Они вместе изучали несколько ролей простаков и смешных слуг. Эти роли были, вероятно, по плечу Андерсену, но он ими не удовлетворялся и вздумал выучить большую трагическую роль Корреджио из какой-то драмы. В один прекрасный день он с жаром продекламировал ее перед актером. Линдгрэн с улыбкой потрепал его по плечу и сказал: «У вас есть чувство, но едва ли из вас выйдет актер. Один Бог знает, что из вас выйдет. Скажите Гульдбергу, чтобы он научил вас латыни. Латынь поможет вам сделаться студентом». Эта мысль показалась Андерсену очень странной и совершенно новой. Тем не менее он поговорил об этом с Гульдбергом, и тот нашел ему дарового учителя латинского языка. Кроме драматического искусства Андерсен имел возможность познакомиться также и с танцевальным. Здесь помог ему танцмейстер Дален, в доме которого он был принят. Жена Далена была талантливая актриса и добрая женщина, так что Андерсен очень приятно проводил у них время. Он поступил в танцевальную школу Далена, но танцевальное искусство не пошло на лад. Андерсен оказался к нему неспособен. Тем не менее в качестве ученика школы Далена он имел доступ за кулисы и часто посещал театр. Этого было достаточно для его счастья. Время от времени он исполнял какую-нибудь выходную роль, и одно то, что он появлялся на сцене, приводило в восторг маленького мечтателя. Его имя стояло несколько раз в афише, и это тоже было для него источником великих радостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.